

оговоривает включение, помимо весьма разнородных апеллативов, также и собственных цааваний, в чем сказались симпатии Безлай к ономастике. Тем самым делается заявка на достаточно полный, богатый словарь.

Следующее затем рассуждение об объеме и задачах словенского этимологического словаря в настоящее время, на фоне достижений славянской этимологии и в плане выяснения межславянских лингво-географических связей (стр. 4—5), исполнено здравого научного смысла. Остается только пожелать автору сил и возможностей для завершения удачно начатого дела. Мы узнаем, далее, из предисловия (стр. 5), что словарь займет 70—80 печатных листов и будет выходить в течение восьми-девяти лет. Думается, однако, что и та и другая цифры будут превыщены, если судить по той методичности и обстоятельности, которые характеризуют первые представленные здесь пробы.

Автор просит сообщать ему все мысли, мнения и критические замечания, которые он намерен использовать при окончательной обработке материала. Правда, ответить на этот призыв конструктивными и фактическими предложениями и замечаниями довольно трудно, поскольку перед нами не весь труд и даже не его большая часть, а немногочисленные отобранные статьи с весьма общим предисловием.

Состав самого пробного выпуска очень разнообразен, что помогает нам составить себе весьма конкретное представление о будущем словаре. Здесь и общеславянская древняя лексика, и новые заимствования, и, как уже говорилось, собственные имена (топонимы, гидронимы). Специальное внимание обращено на древние слова, известные только из словенского языка, как, например, *bek* 'очаг', **kosez* — старый социальный термин, *sot* 'горная дорога' и др. В этом последнем отношении мы возлагаем на этимологический словарь словенского языка особенно большие надежды.

Этимологический анализ отличается в этом пробном выпуске хорошим уровнем. Замечания почти излишни и касаются деталей. Обильно и не всегда критически излагает автор этимологии своего соотечественника К. Оштира, после которого осталось множество фантастических теорий о происхождении слов. В пробном выпуске, как уже и раньше, Безлай повторяет свое ошибочное сближение словен. *sot* 'горная дорога' с укр. *сугта*, тогда как последнее четко членится на *су-тка*. Неверно судит автор о в.-луж. *shihel*, н.-луж. *hugeł* (стр. 26), полагая, что они не могут продолжать праслав. *vugsp.

В остальном выпуск обращает на себя внимание тщательностью подготовки к печати и высокими типографскими качествами.

O. N. Трубачев

T. Lehr-Spławiński, K. Polański. Słownik etymologiczny języka Drzewian połabskich, zeszyt 1 (A—D'üzd). Wrocław—Warszawa—Kraków, 1962, XVIII + 142 str.

Настоящим выпуском начата публикация полабского этимологического словаря, задуманного Лер-Славинским еще несколько десятилетий тому назад. Это первый этимологический словарь и по сути дела первый словарь в настоящем, полном смысле слова того, что может быть точнее определено как остатки полабского языка, если не считать индекса слов при издании полабских текстов П. Роста (1907).

Помимо старейшегопольского слависта Т. Лер-Славинского, зачинателя и организатора работы над словарем, этот труд обязан в значительной мере своим появлением молодому учёному К. Полянскому, уже успев-

шему сделать крупный вклад в изучение языка, и прежде всего лексики, полабских дреялян. Здесь можно было бы назвать целый ряд работ Полянского по этимологии полабских слов (одна из них публикуется и в настоящем сборнике), а также его крупное исследование — книгу о морфологии немецких заимствований в полабском языке (1962). Полянский глубоко интересуется проблемами полабского и вообще славянского словообразования, что проявилось также и в его работе над настоящим этимологическим словарем.

Задача создания полабского этимологического словаря, в важности которой не приходится сомневаться, по своей специфиичности и своеобразию является, пожалуй, единственной в своем роде в славянской этимологической лексикографии вообще. Начать с того, что перед авторами встало сразу много таких задач, например, чисто филологических, которые при начале работы над этимологическими словарями для других языков предполагаются уже выполненными. Это, естественно, вынудило их придать собственно этимологической части более практический уклон: дальше праславянских связей сравнение исконных элементов не проводится. Специально этимологические задачи также в значительной мере определяются своеобразием полабского материала. То, что запечатлено в письменных текстах как остатки полабского языка, отражает славянское наречие, вымирающее и сломленное германизацией в гораздо большей степени, чем, например, прекративший свое существование к началу ХХ в. словинский диалект кашубского языка. Следовательно, этимологизируемая полабская лексика распадается на две основные части: цемецкие заимствования и исконные, славянские элементы, тоже в немалой степени деформированные немецким влиянием, которое может, кроме того, скрываться под славянским обличьем словообразовательных и прочих калек. К этому следует добавить, что этимологической работе над полабской лексикой, допедящей до нас в поистине чудовищных записях прошлого, должна предшествовать тщательная работа филолога и фонолога, направленная на восстановление наиболее вероятного звукового облика полабских слов. Лексика полабского языка в названном словаре транскрибирована по принципам Лер-Славинского и Трубецкого.

Каждое слово помещается в виде особой словарной статьи. Даётся как правило исчерпывающая информация о случаях употребления слова, что ввиду обширности полабского языкового наследия представляется выполнимым делом. Несколько утяжеляют каждую словарную статью подстрочные примечания с фонетической полабской и праславянской транскрипцией всех слов и выражений в полабских цитатах, помимо заглавного слова статьи, что не может не считаться явно избыточным привеском и в общей сложности даст, наверное, много повторений. Из опечаток: на стр. 141 должно быть и.-луж. *gowno*, а не *howno*.

Несомненного одобрения заслуживает основной принцип членения словарика, уже упомянутый выше всkolъзь: любая словообразовательная форма, любой приставочный глагол дается как самостоятельная статья, причем далее не следует простая отсылка к статье с заглавной непроизводной формой, а, напротив, производится полный обзор тождественных словообразовательных параллелей по всем славянским языкам. Работа составителей над этой частью статей заслуживает высокой оценки. Здесь отмечены словообразовательные параллели, которые представляют бесспорный интерес. Так, полаб. *bledaića* (*blēdica) 'бледность' имеет точные формальные соответствия только в словен. *blēdica* 'бледность' и с.-хорв. *блѣдница* 'бледная немощь (*chlorosis*)'. Из оригинальных словообразовательных категорий интересны полабские названия деятеля на *-ika*: *běžika, *bręsika, *skočika, *tocika (в реконструкции), часть из которых уже отражена в настоящем, первом, выпуске словаря.

Мы почти ничего не говорим о собственно этимологической части. Некоторые читатели могут сказать, что именно ее удельный вес в словаре опущается менее всего. И однако это едва ли будет справедливо.

Этимология присутствует в этом не совсем обычном словаре, как нам кажется, в нужной пропорции к остальным, более проблематичным и поэтому более актуальным разделам статей. С выходом этого словаря мы получаем самый современный и самый полный справочник по полабской лексике, ее этимологии и словообразованию.

О. Н. Трубачев

Вл. Георгиев, И. Гълъбов, Й. Заимов,
Ст. Илчев. Български етимологичен речник,
свездка I (а — бронз); свездка II (бронхи — владея).
София, 1962, 1963, 160 стр.

Двадцать лет спустя после выхода «Этимологического и орфографического словаря болгарского литературного языка» С. Младенова (1941 г.), который, при всех своих недостатках, сыграл, несомненно, положительную роль в деле этимологического исследования болгарской лексики, начал выходить новый болгарский этимологический словарь четырех авторов под редакцией акад. В. Георгиева. Сравнение этих двух словарей бесспорно убеждает в том, что наиболее современным из них является словарь Георгиева. Это по сути дела первый в полном смысле этимологический словарь болгарского языка, без ограничений литературным типом языка и без орфографических установок. В связи с этим хочется отметить основное богатство рецензируемого словаря — обилие областной лексики. В этом смысле новый словарь будет для нас постоянным справочником, сводом болгарской диалектной лексики. Составители всегда точно указывают распространение диалектных слов. Вообще словарь нового словаря отличается большой щедростью, что скорее следует отнести к числу достоинств. В словарь включены не только апеллативы (общенародные и диалектные), но и статьи, посвященные собственным именам — тоponимам, гидронимам, что в какой-то мере характерно для современных словарей. Особый разряд составляют опыты реконструкции апеллативов, утраченных новоболгарским языком, по данным старой и новой топонимии. Ср. статью *вес 'село' на основании названия Долгаец, в XIV в. — Дълга
весь и др.

При подготовке словаря была проделана большая работа по этимологизации и отбору лучших этимологий, в чем нетрудно убедиться. Так, название птицы иволги *авлига*, очень сомнительно сближаемое Младеновым с греч. *αὐλέω* 'свищу', авторы нового словаря правдоподобно ставят в один ряд с русск. *иволга* и другими славянскими названиями той же птицы. Слово *блъзня* 'себлазнить' сближается с лат. *flāg-iō* 'бичую'; бъзум 'показывать' остроумно связывается через **bodysai* с лат. *fodico* с тем же значением. Правда, именно к этимологической части словаря Георгиева у нас больше всего претензий. Литература по этимологии дается случайно и с пропусками, иногда в ущерб полноте этимологического анализа. Так, этимологизируя македонское название города *Битоля* < ст.-слав. *бъитъмъ* (вслед за Романским), не следовало упускать из виду возражений Фасмера, допускавшего более древние этимологические связи ввиду греческой формы *Βούτελ-*. Некоторая очевидная поспешность в обработке статей приводила к разнобою, когда, например, на стр. 83 *бръмбар*, *бръмбър* 'жуки' производится от междометного *бръм*, с чем мы не согласны, а на стр. 96 этимологически тождественное диал. *бъбър* 'жуки' через **bъvbarъ* правильно сближают с лит. *bimbilas* 'водя', лтш. *vatbals* 'жуки'. В словаре немало досадных опечаток и небрежностей вроде пра-славянской формы **bhrutъ* (стр. 82), венг. *vihuge* — надо *vihnye* (стр. 143),